

РОССИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

«СВЯТЫЕ МЕСТА» МУСУЛЬМАН ТУРКЕСТАНА КАК ЦЕНТРЫ АНТИРОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРЕЦКОЙ АГЕНТУРЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

В.П. Литвинов

Кафедра историко-культурного наследия
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, Россия, Елец, 399770

В статье рассматривается один из аспектов истории российско-турецких отношений в указанный период. Автор отмечает, что их традиционная напряженность в это время только росла, в том числе за счет провокационной деятельности разведывательной агентуры Османской империи, которая активно использовала в целях антироссийской пропаганды «святые места» ислама в Туркестане как центры наибольшего скопления мусульман региона.

Ключевые слова: Туркестан, «святые места», мусульмане, турецкая агентура, военная администрация, панисламизм, пантюркизм.

Введение

Безусловно, преступный акт турецких властей в конце ноября 2015 г. в отношении российского бомбардировщика, участвовавшего в военной операции законного правительства Сирии против банд террористического «Исламского государства», обозначил новый фазис в развитии российско-турецких отношений. Но это событие может удивить только тех, кто ничего не знает об их истории. Для тех же, кто хотя бы поверхностно (по школьным учебникам) знаком с ней, происшедшее вряд ли покажется новым. Действительно, история российско-турецких отношений изобиловала разного рода военными конфликтами – от масштабных войн до мелких пограничных стычек.

В рамках данной статьи нет места для их подробного перечисления и описания, а потому мы ограничимся лишь констатацией факта: Османская империя (Турция) всегда была наиболее ярким противником России как в Европе (на Балканах), так и в Азии – Туркестане (Средней Азии).

Провокационная политика турок особенно обострилась после того, как во второй половине XIX в. Российская империя начала наступление на Среднюю Азию, присоединив к концу столетия огромные пространства Туркестана. Рассмотрению турецких действий в этом регионе в обозначенный выше период и посвящена данная статья.

Обзор литературы. Об истории русско-турецких отношений существует весьма богатая литература, относящаяся как к дореволюционному, так и советскому и постсоветскому периодам. В ограниченных рамках статьи нет места для ее подробного анализа – тут нужно «монографическое» пространство, поскольку в одних только учебниках проблема рассматривается во многих десятках случаев. Однако ни один из них не находит указанные отношения безоблачными и истинно дружественными. Так, например, видный отечественный историк, проф. В.М. Козьменко отмечает, что в рассматриваемый нами период все «дальнейшие события показали, что Турция все более попадала в зависимость от Германии» [3, с. 249]. Соответственно, она примыкала к стану врагов России.

В постсоветский период, действительно, научная и учебная литература не вынашивала никаких иллюзий относительно прошлого российско-турецких отношений [5]. Сложнее обстоит дело с историографией проблемы, заявленной в заголовке. Разумеется, и в дореволюционный, и в советский, и в постсоветский период вопрос о подрывной деятельности турецких спецслужб в Русском Туркестане, в среднеазиатских ханствах – Бухарском, Хивинском и Кокандском (до 1876 г.) рассматривался в исторической литературе, однако как-то «мимоходом», без углубленного исследования проблемы. В основном, он изучался через призму проблемы распространения идей панисламизма и пантюркизма в мусульманских анклавах царской России (3), [1, 7]. Понятно, что целостной картины деятельности агентуры Османской империи в Туркестане так и не было создано, тем более применительно к «святым местам» ислама в регионе.

Цель и задачи. В настоящей статье предполагается рассмотреть именно этот аспект вышеуказанной проблемы, нуждающейся, конечно, в более масштабной и глубокой разработке.

Исследование проблемы

Интерес к «святым местам» мусульман Туркестана любопытен прежде всего тем, что туркестанская модель религии Пророка издавна именовалась «исламом гробниц». Несмотря на то, что Мухаммед категорически осуждал культ «святых», адепты его вероучения в Средней Азии изначально были при-

вержены паломничеству к «мазарам» – местам захоронения разного рода «праведников». Таких объектов в регионе было великое множество, и нам приходилось писать об этом подробно [4].

«Пионером» агентурного освоения турками Средней Азии можно считать шейха Эфенди-Таура. Султан Мехмет II Фатих (1451–1481), захватив в 1453 г. Константинополь, отправил последнего в места, откуда пришел со своими полчищами хромой «язычник» Тимур, разгромивший в 1402 г. при Анкаре войска тогдашнего турецкого правителя Баязида I Йылдырыма (Молниеносного). Разумеется, Эфенди-Таур тогда еще не вел антироссийской пропаганды, однако, часто и охотно посещая «святые места» ислама в Туркестане, он проповедовал среди паломников идею о том, что турецкий султан – победитель христиан – стал «халифом» всех «правоверных» (мусульман) мира. В конце XV в. шейх упокоился в Ташкенте, а его могила была объявлена «святой». Она никогда не была центром многолюдного паломничества, но тем не менее одна из 4-х частей города называлась «Шейхантаурской» (другие три: Кукча, Себзор и Беш-Агач) (16, лл. 10(об)–11).

Безусловно, рассказ о такого рода турецких «проповедниках» можно и продолжить, однако это не соответствовало бы заявленной теме исследования. Однако не лишне заметить, что до прихода России в Туркестан среднеазиатские ханы относились отрицательно к признанию турецкого султана халифом всех «правоверных» планеты – они не хотели делить с ним власть над подданными, а тем более подчиняться ему. Так, в 1780-х гг. бухарский правитель Сейид Шах-Мурад Бохадыр-хан присвоил себе титул «амир эль-муменин» («повелитель правоверных»). В начале XIX в. его примеру последовал кокандский правитель Алим-хан. Не остался в долгу и хивинский хан. Понятно, что это негативно отразилось на претензиях турецких султанов быть халифами мусульман Туркестана.

Антироссийская деятельность турецкой агентуры в регионе началась после того, как в 1830-х гг. царское правительство начало создавать форты на северо-восточном побережье Каспийского моря. Напуганные такой опасной стратегией России власти Османской империи уже в начале 1840-х гг. направили в Туркестан трех агентов из числа турецких офицеров-накшбандийцев¹.

Старшим в «команде» был Кутлуг-хаджи, которому помогали Мухаммед-Шериф и Юсуф-ишан.

Поскольку русские форты появились на полуострове Мангышлак, то и турецкие «миссионеры» обосновались здесь же. Условия для «работы» были более чем благодатными – на полуострове насчитывалось 363 «святых» могил одних только учеников Ходжа Ахмеда Яссави, проповедовавшего ислам среди кочевников Туркестана в XII в. Кроме них были мазары накшбандийцев,

¹ Накшбандийа – мусульманский суфийский орден (братство), названный в честь бухарского «святого» Бахаэтдина Накшбанда (1318–1389). Имел значительное распространение и влияние в Турции. – Прим. авт.

и даже «святых» выходцев из Персии – Масат-Ата и Данишменда [2, с. 41]. Со временем турецкая агентура пополнялась за счет новых эмиссаров, привозивших деньги для подкупа номадов полуострова, а также оружие и боеприпасы, поэтому рассматриваемая деятельность турок разворачивалась уже именно во второй половине XIX в. Их контакты с аборигенами происходили, как правило, у тех или иных «святых мест», где всегда пребывало немало паломников. На Мангышлаке кочевали казахи (т.н. «адаевцы») и туркмены.

Настроить «адаевцев» против России было несложно – в 1836–1838 гг. в Казахстане было антирусское, националистическое восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, а в 1840-х гг. против России восстал казахский султан Кенесары Касымов, одновременно жестоко избивавший кыргызов, которыми и был убит в 1847 г.

Следует отметить, что именно турецкая агентура организовала в 1870 г. антироссийское выступление казахов на Мангышлаке, лидеры которого, однако, были позже прощены царским правительством, а в 1873 г. приняли активное участие в Хивинском походе туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана.

Османской агентуре удалось завоевать доверие и туркмен, напоминая им о том, что они являются близкими «сородичами» турок. Кутлуг-хаджи был даже объявлен «Каракум-ишаном». После смерти он и его товарищи по «команде» были признаны «святými», а их могилы превратились в объекты паломничества.

Звание «Каракум-ишана» стало наследственным, и в 1916 г. Туркестанская «охранка» арестовала правнука Кутлуг-хаджи в статусе «Каракум-ишана» – Идрис-хан Максума, который открыто призывал мусульман собирать деньги в фонд Турции и Германии, воюющих вместе против «неверных» русских (20, лл. 71–72 об.).

Деятельность турецкой агентуры на Мангышлаке была в значительной мере пресечена учреждением в 1874 г. Закаспийского военного отдела (5, с. 338–339).

Русские военные отлавливали у «святых мест» полуострова турецких агентов и, как правило, выдворяли их без права появления здесь вновь. Однако турецкие шпионы возвращались в неподвластные пока еще России районы Туркмении, орудуя также у «святых мест». Признано аксиоматичным, что турецкие «советники» безуспешно помогали туркменам сопротивляться войскам генерала М.Д. Скобелева, присоединившим Закаспийский регион к России в 1880–1881 гг.

В мае 1881 г. была учреждена Закаспийская область (4, с. 66). Военная разведка вскоре установила «святые места», бывшие центрами деятельности турецкого шпионажа, и изгнала многих османских «миссионеров» за пределы России.

Как ни странно, но русским властям помогали в этом деле сами туркмены. Так, например, в 1883 г. старейшина иолотанских туркмен Сары-хан аре-

ствовал прибывшего к нему с проповедью «газавата» («священной войны») против русских турецкого агента – ишана Мансура. Позже выяснилось, что последнего, по заданию турецких спецслужб, выкупил у туркмена за 3 тыс. тенег бухарский еврей Исмаил. После этого ишан исчез, о чем туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву сообщал 8 сентября 1883 г. лично бухарский Музаффар (18, л. 14).

Понятно, что это не остановило турецких шпионов, которые продолжали исподволь проникать в Русский Туркестан. Примеров тому немало и, ввиду ограниченности статейных рамок, приведем один.

С начала 1890 г. начальником Закаспийской области стал генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1890–1897 гг.), участник присоединения Туркмении. Он прекрасно понимал политическое значение «святых мест» ислама на фоне нараставшего в мире панисламистского и пантюркистского движения. Куропаткин приказал начальникам уездов и приставам области усилить контроль за мусульманским паломничеством и ограничить его определенными днями почитания могил «праведников». Так, например, при учреждении «святой» могилы Хасан-ишана в местности Сумбар Куропаткин поставил местным мусульманам условие – совершать паломничество к гробнице только в годовщину смерти «праведника» и не допускать к нему «неблагонадежных» иностранцев (14, лл. 1–3(об)). Поскольку в такие дни у «святых мест» присутствовали русские приставы, то турецкой агентуре стало трудно работать. Однако после того, как Куропаткин стал военным министром, его преемники ослабили наблюдение за «святыми местами» в области, вследствие чего здесь снова стала плодиться турецкая агентура. Уже летом 1898 г. начальник Мангышлакского уезда, подполковник Данилович, арестовал 4-х турецких шпионов, которые переезжали от одного «святого места» к другому, выдавая себя за уроженцев Мекки и пропагандируя сбор средств в пользу Турции. При этом они собирали не только деньги, но и скот – от мелкого до крупного рогатого. Все это было у них конфисковано, а сами шпионы отправлены в тюрьму (13, лл. 10–10 (об)).

Понятно, что османские агенты осуществляли подрывную антироссийскую деятельность не только в Закаспийском регионе, но и на территории всего Русского Туркестана. В 1868 г. турецкие «советники» агитировали мусульман у «святых мест» идти на помощь войскам бухарского эмира Музаффара, пытавшимся отбить у русских Самарканд. Безуспешно.

В 1872 г. мусульмане Ходжента выступили против кампании по оспопрививанию. Хотя конфликт был вскоре разрешен проведением разъяснительной работы, тем не менее турецкие агенты сумели использовать административные огрехи русских для «подогрева» ситуации. И в последующем они придерживались такой же «методы».

Общеизвестно, что османская агентура принимала деятельное участие в Кокандском восстании 1873–1875 гг., приведшем к полному разрушению одноименного ханства. На его землях в феврале 1876 г. была образована Ферган-

ская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края) (6, с. 139; 7, с. 139–40). В том же году турки инспирировали движение так называемых «джетым-ханов» («лжеханов»). «Джетым-ханы» объявляли себя потомками кокандских правителей и, соответственно, претендентами на престол. Они действовали у «святых мест», поскольку также нигде более не могли собрать «благодарную» аудиторию. Движение «лжеханов» было быстро подавлено, причем одного из них поймал лично первый военный губернатор Ферганской области, генерал-майор М.Д. Скобелев, о чем он 5 октября 1876 г. рапортовал туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману (2, л. 7).

Подействовали и строгие меры. Так, в 1876 г. были оштрафованы жители трех кишлаков Ферганской области, которые собирались у «святых мест», чтобы послушать турецкого шпиона Абдул-Керим-бека, призывавшего к «газавату» («священной войне») против русской власти. Три кишлачных аксакала (сельские старшины) были преданы суду за то, что вовремя не сообщили администрации о появлении турецкого агента у «святых мест» (17, лл. 1–2(об), 4, 6(об) и др.).

Оперативность действий против «джетым-ханов» и турецких агентов объяснялась тем, что в Русском Туркестане всем управляли военные власти, подчинявшиеся не МВД, как все прочие края, а военному министерству.

В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. османские шпионы в Туркестане пытались поднять в разных местах края восстания против русской власти. Вряд ли стоит упоминать о том, что они привычно действовали у «святых мест», призывая паломников к мятежам. Но результаты были незначительными. Более успешно турецкие агенты действовали после печальных для них итогов указанной войны. Им удалось устроить новую волну движения «джетым-ханов» в Русском Туркестане, причем преимущественно в недавно образованной Ферганской области. С начала 1880-х гг. в разных местах края начались волнения, организованные турками. Первое время военные власти успокаивали их мирными средствами. Однако вскоре потребовалось применение войск. В конце 1883 г., в Турук-Наукатской волости, Ошского уезда Ферганской области у «святого места» – мазара «Ходжа-Калян» появился некий мусульманский проповедник, объявлявший себя ишаном и «диваной» (блаженным). В начале 1884 г. начальник Ошского уезда, капитан Томич сообщал в рапорте военному губернатору Ферганской области, генерал-майору В. Медынскому о том, что «проповедник» призывает паломников к «газавату» против русских, славит турецкого султана и раздает им листовки с угрозами в адрес тех, «которые будут верить кафирам» (15, лл. 12–12(об)). Медынский доложил об этом генерал-губернатору Черняеву. Тот приказал немедленно задержать «проповедника», однако на сторону «диваны» встали кыргызы-мюриды (послушники). К делу привлекли взвод солдат из Ошского линейного батальона. Завидев их, кыргызы в страхе разбежались, сдав «ишана» без боя. На допросе он показал, что носит имя Мулла Сейид-хальфа, обучался в Турции и был направлен ее разведкой в Туркестан для возбуждения местных

мусульман к «священной войне» против русских. После кратковременной «отсидки» турецкий агент был выдворен из края с запретом появляться вновь на его территории.

Большие надежды турецкие агенты возлагали на авантюриста – «джетым-хана» Дервиш-хана-тюрю. Он объявил себя прямым наследником кокандских ханов и призывал людей к «газавату» против русских с целью восстановления независимости Кокандского ханства, обещая помощь в этом деле со стороны Османской империи.

Лжехан объезжал «святые места», агитировал паломников, вручая им «Воззвание Мухаммеда к священной войне с неверными» (1, л. 2). Были сформированы шайки из мусульманских фанатиков.

Но выступление Дервиш-хан-тюри сорвалось в самом начале – в ночь с 16 на 17 августа 1885 г., когда он был схвачен с помощью прорусски настроенных кыргызов, причем именно у «святого» мазара. Шайки были разогнаны отрядом капитана Брюнова. Многие участники мятежа были арестованы. Военные власти Русского Туркестана отдали их под суд. Следствие длилось 4 года, до августа 1889 г., и в итоге 15 человек были приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни. Но русская власть оказалась милосердной, и никто не был казнен – Правительствующий Сенат их помиловал, снизив наказание до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь. Но сам приговор вступил в силу лишь после того, как император Александр III надписал на докладе министра юстиции по этому делу: «Утверждаю. 9 января 1891 года» (9, л. 1).

Было бы, однако, ошибочным считать, что движение «джетым-ханов» в Туркестане не дало никаких результатов и оказалось полностью провальным для турецкой агентуры. Отнюдь. Видный советский историк национально-освободительного движения в Средней Азии А.В. Пясковский отмечал, что в течение 1876–1916 гг. только в Ферганской области было около 600 выступлений, возглавляемых «джетым-ханами» [6, с. 44].

Турецкая агентура использовала в своих корыстных целях холерную эпидемию 1892 г. в ташкентском регионе.

Действуя в интересах спасения людей от смертельной угрозы, военные власти приняли серьезные санитарно-гигиенические меры (хлорную известь и проч.) и запретили скопления людей в мечетях, на похоронах и у «святых мест» с тем, чтобы предотвратить распространение холерных бактерий. Но турецкие агенты и их приспешники из числа местного исламского духовенства стали утверждать, что все мусульмане, напротив, должны идти к могилам «святых» и испрашивать у них спасения от болезни.

В истории Русского Туркестана уже был такой прецедент. Во время холерной эпидемии 1872 г. в Ташкенте протурецки настроенное духовенство предлагало русским властям сгонять людей в мечети и разрешить ритуальные шествия к «святым местам». Но военные власти края, понимая послед-

ствия больших скоплений людей во время эпидемии, отказали, хотя и «не запретили мусульманам молиться в мечетях» (10, с. 142).

В 1892 г. запретительные меры были жестче, и потому турки надеялись на «пожар» народного недовольства. Однако передовая часть ташкентских мусульман, понимавшая опасность эпидемии и гуманистическую суть санитарно-гигиенических мер, выступила на стороне русской власти. Делегация исламских лидеров города во главе с шейхом накшбендийского ордена 80-летним Абул-Касим-ханом посетила 30 июня 1892 г. туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского и вручила ему документ, поддерживавший мероприятия администрации и изобличавший врагов России (12). В итоге в Ташкенте случился только кратковременный бунт, а не широкомасштабное восстание, которого ожидали турки.

Наибольший резонанс действия турецкой агентуры получили, пожалуй, во время Андижанского восстания, начавшегося с того, что в мае 1898 г. группа мусульманских фанатиков вырезала спящих в казарме русских солдат. Головорезы убили 21 и тяжело ранили 14 «нижних чинов». Позже волны восстания прокатились по Ферганской долине, но были пресечены оперативными действиями военных властей края. Об Андижанском бунте мусульман написано достаточно много, и вряд ли необходимо обращаться к его подробностям. Вернемся к теме исследования.

Как и большинство мятежей в Туркестане (причем даже в дороссийский период), кадры мусульманских «инсургентов» вербовались, как правило, у «святых мест» из числа паломников по причинам, указанным выше. Естественно, что к такой практике прибегают и вожди андижанских изуверов Мухаммед-Али, прозванный в народе «Дукчи-ишаном» («ишаном-веретенщиком»). Он совершил хадж в Мекку, а на обратном пути задержался в Стамбуле, где проходил, видимо, специальное обучение в органах турецкой разведки. Известно, что перед восстанием его дважды посещал турецкий эмиссар, уроженец Средней Азии – Хаджи Абду-Джалиль Мир-Салык Кариев, доставивший «Дукчи-ишану» подарки от самого султана – священный волос из бороды Пророка, грамоту и халат с «царственного» плеча. Военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда, генерал-майор Долинский в рапорте от 21 августа 1898 г. писал о том, что Абду-Джалиль «в молодости отправился в Мекку, а потом много лет жил в Константинополе» (8, л. 43(об)). Он отмечал, что за неделю до мятежа турецкий посланец вручил Мухаммеду-Али новые султанские дары – золотое кольцо и зеленое знамя «газавата».

Таким образом, турецкий «след» в андижанском мятеже 1898 г. представляется более чем очевидным. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской справедливо замечал 5 августа 1898 г. в рапорте военному министру А.Н. Куропаткину, что главной причиной Андижанского бунта «явилось вмешательство внешних антирусских сил» (11, с. 664).

Андижанское восстание 1898 г. еще раз подтвердило то, что нельзя оставлять без постоянного надзора «святые места» в Туркестане, всегда вы-

ступавшие центрами подготовки антирусских бунтов. Военные власти Туркестана не раз обращались по этому поводу в Петербург, указывая на недостаток участковых полицейских приставов, которые могли бы обеспечивать надлежащий надзор. Но им отказывали, ссылаясь на отсутствие средств. Неудивительно, что после андижанской «встряски» правительство нашло их и учредило в Туркестанском крае сразу 32 новых должности участковых приставов. Естественно, турецкой агентуре стало намного труднее вести свою подрывную деятельность. В частности, именно участковые приставы поймали в 1899 г. в Мерве упоминавшегося выше турецкого шпиона Абду-Джалиля и препроводили его в Ташкент (19, лл. 1–2 об).

В 1899 г. в Туркестанском военном округе были образованы два армейских корпуса, разведка которых повсеместно отслеживала действия турецкой агентуры. В 1903 г. в штабе округа было открыто VI (контрразведывательное) отделение, выявлявшее турецких и проч. шпионов. В конце 1907 г. в Русском Туркестане были учреждены органы «охранки», занимавшейся, как известно, и контрразведкой. Казалось бы, турецкая агентура в Туркестане была «обложена» со всех сторон и должна была свернуть свою деятельность в регионе. Однако это не так. На волне растущих панисламистских настроений в Средней Азии в начале XX в. турецким спецслужбам удалось придать им и пантюркистский характер. Агенты Османской империи проявили провокаторскую активность в восстании 1916 г. в Туркестане, которое стало «ударом в спину» России, сражавшейся на фронтах Первой мировой войны. И, как обычно, антироссийская деятельность турецкой агентуры разворачивалась в основном у «святых мест» Туркестана.

Выводы

Факты свидетельствуют о том, что на всем протяжении своего развития русско-турецкие отношения отличались напряженностью, нередко разрешавшейся открытыми военными конфликтами. Проникновение России в Туркестан во второй половине XIX в. вызвало недовольство правящих кругов Османской империи, отреагировавшей на это засылкой своих агентов в Прикаспийский регион. Присоединение Средней Азии к России в 1860–1870-х гг. усилило антироссийскую направленность политики Турции. Численность турецких агентов в Русском Туркестане возросла. Османская агентура осуществляла свою подрывную деятельность, как правило, у «святых мест» ислама в Средней Азии, поскольку именно у них собирались значительные массы паломников-мусульман. Фактически все антирусские бунты в регионе начинались у могил исламских «праведников». Несмотря на серьезные меры противодействия, царским властям Туркестана так и не удалось вырвать с корнем турецкую агентуру из государственной и общественно-политической жизни края и свести на нет всю ее подрывную деятельность.

ИСТОЧНИКИ

- (1) Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 186.
- (2) Отдел рукописей Национальной библиотеки РФ (СПб.). Ф. 874 (Архив Шубинского С.Н.). Оп. 2. Д. 140.
- (3) *Евдокимов Л.В.* Панисламизм и пантюркизм // Военный сборник. 1911, декабрь.
- (4) Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 142. 614 с.
- (5) ПСЗРИ. Т. 49. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1876. № 53233. 948 с.
- (6) ПСЗРИ. Т. 51. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1878. № 55593. 714 с.
- (7) ПСЗРИ. Т. 51. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1878. № 55594. 714 с.
- (8) Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 1. Д. 3193.
- (9) Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 434.
- (10) *Россель Ю.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн. 7, июль. С. 115–158.
- (11) Т-ов. Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908, май. С. 659–670.
- (12) Туркестанские ведомости. 7 июля 1892, № 27.
- (13) Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.). Ф. 1. Оп. 2. Д. 2732.
- (14) ЦГА Тур. Ф.1. Оп. 2. Д. 2809.
- (15) Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.). Ф. 1. Оп. 22. Д. 598.
- (16) ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 23.
- (17) ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 189.
- (18) ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 702.
- (19) ЦГА Узб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5632.
- (20) ЦГА Узб. Ф. Р-2287. Оп.1. Д. 466.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 140 с.
- [2] *Басилов В.Н., Кармышева Дж. Х.* Ислам у казахов. М., 1997. 161 с.
- [3] *Козьменко В.М.* История России: Учебник. М.: РУДН, 2009. 648 с.
- [4] *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.
- [5] Османская империя // Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX вв. – М., 1995. С. 85–166.
- [6] *Пяковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958. 616 с.
- [7] *Сабитов Н.* Панисламизм и пантюркизм на службе империалистической реакции // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 11. С. 37–45.

REFERENCES

- [1] Arsharuni A., Gabidullin H. *Ocherki panislamizma i pantjurkizma v Rossii* [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Moscow: Bezbozhnik, 1931, 140 p.

- [2] Basilov V.N., Karmysheva Dzh.H. *Islam u kazahov* [Islam among Kazakhs]. Moscow, 1997, 161 p.
- [3] Koz'menko V.M. *Istorija Rossii: Uchebnik*. [History of Russia]. Textbook. Moscow: People's Friendship University of Russia, 2009, 648 p.
- [4] Litvinov V.P. *Religioznoe palomnichestvo: regional'nyj aspekt (na primere Turkestana jepohi srednevekov'ja i novogo vremeni)* [Religious pilgrimage: regional dimension (on the example of Turkestan of medieval and modern times)]. Yelets: BYSU, 2006, 377 p.
- [5] Osmanskaja imperija [Ottoman Empire]. *Novaja istorija stran Azii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv [New History of Asia (second half of XIX – early XX centuries)]*. Moscow, 1995, pp. 85–166.
- [6] Pjaskovskij A.V. *Revoljucija 1905–1907 gg. v Turkestane* [The revolution of 1905–1907 in Turkestan]. Moscow, 1958. 616 p.
- [7] Sabitov N. Panislamizm i pantjurkizm na sluzhbe imperialisticheskoj reakcii [Pan-Islamism and Pan-Turkism in the service of imperialist reaction]. *Vestnik AN Kazahskoj SSR – Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR 1951*, no. 11, pp. 37–45.

**TURKESTAN MUSLIMS' "HOLY PLACES"
AS CENTRES OF ANTIRUSSIAN ACTIVITIES
OF TURKISH SECRET SERVICE
(SECOND HALF OF 19th – EARLY 20th CENTURIES)**

V.P. Litvinov

Department of Historical and Cultural Heritage:
Yelets State University named after I.A. Bunin
Kommunarov St., 28, Yelets, Russia, 399770

The article deals with one of the aspects of the history of the Russian-Turkish relations in the period under consideration. The evidence suggests there was a high level of tension in the Russian-Turkish relations throughout its development. They often escalated into open military conflicts. The Russian penetration into Turkestan in the second half of the 19th century angered the Ottoman Empire's ruling circles and forced them to send their agents to the Caspian region. Russia's annexation of Central Asia by the 1860–1870s strengthened Turkey's anti-Russian policy. As a result, the number of Turkish agents increased in Russian Turkestan. The Ottoman Empire's intelligence service actively used the "holy places" of Islam in Turkestan as the centres of the largest concentration of Muslims of the region with the view of anti-Russian propaganda. Virtually all anti-Russian uprisings in the region began at the graves of Islamic "righteous." Despite serious countermeasures the tsarist authorities did not manage to eradicate the Turkish agents from the state and political life of the region and completely destroy all its subversive activities.

Key words: Turkestan, "holy places", Muslims, Turkish secret service, military authorities, Pan-Islamism, Pan-Turkism.